

Мемуары

✍ Виталий Титов

Фанерный рояль, или Как я спасал спектакль

С трепетным волнением вспоминаю наш драматический конец 60-х годов, когда он переживал один из ярких периодов своего существования.

В театре тогда была сильная труппа и высокопрофессиональная режиссура, которую возглавлял народный артист Узбекской ССР В. Ладыгин. Среди очередных режиссёров особо выделялся Дмитрий Козловский, талантливый режиссёр и актёр широкого диапазона.

Приглашенный в 1950 году вместе с женой, актрисой Т. Греминой, Д. Козловский за сравнительно небольшой период поставил ряд замечательных спектаклей: «Последняя жертва», «Машенька», «Коварство и любовь», «Под золотым орлом», в котором я дебютировал 14-летним подростком. Крупной удачей театра был спектакль «Беспокойная старость» в постановке Козловского, в котором центральные роли удивительно тонко сыграли сам Дмитрий Орестович – профессор Полежаев и Татьяна Яковлевна Гремина – Мария Львовна, жена профессора. Мне в этом спектакле была отведена весьма скромная роль студента.

Несмотря на то, что пьеса была посвящена тревожным событиям 1917 года, а в ту пору ленинско-революционная тематика была довлеющей, спектакль получился ярким, по-человечески трогательным благодаря прекрасному актёрскому дуэту. Особенно запоминающейся была сцена дня рождения учёного, когда, бойкотировав профессора за то, что он «продался большевикам», никто из друзей и коллег не пришёл на торжество.

Просторная гостиная, посреди которой накрыт большой обеденный стол. Сбоку на переднем плане – старинный рояль с бронзовыми подсвечниками, за которым сидят супруги Полежаевы, накрытые большой шалью, и тихонько играют в четыре руки сентиментальную пьесу Чайковского «Романс». В комнате полумрак, лишь две горящие свечи освещают лица стариков. Мария Львовна сбивается:

– Рука не слушается... Очень озябла.

Полежаев встрепенулся, забрал её руки в свои, поднёс ко рту, старательно греет своим дыханием.

– Вот сыграем до конца, и я пойду нарублю дров.

Вдруг комната начинает наполняться светом. Не подававшийся в квартиры ток зажгёт люстру, бра, настольную лампу. Глаза стариков засветились блеском, радостью, надеждой.

Однажды за два часа до начала спектакля выясняется, что заболела пианистка, которая из-за кулис озвучивала сценический фанерный рояль, на котором «играли» Полежаевы. Заменить было нечем, слишком поздно. Аншлаг, все билеты проданы. Дмитрий Орестович в страшном ударе, ибо придавал этой сцене с роялем важное значение. Что делать? И тут вспомнили меня, играющего по слуху – нот я тогда ещё не знал. Некоторые слышали, как я подбирал эту пьесу. Предстою перед Козловским.

– Выручай, брат Витюша, спасай спектакль! В общем, в твоём распоряжении чуть более часа, действуй!

Закрывают меня в кабинете с пианино, и я приступаю к «спасению» спектакля. Во время игры на спектакле мной овладел такой панический мандраж, что иногда сбивался. После спектакля ко мне в гримёрку врывается Козловский – ну, думаю: пришел убивать – и стал душить меня в объятиях, приговаривая:

Справка «ММ»

Виталий Титов родился 2 августа 1937 года в Магнитогорске. В 1952 году состоялся его артистический дебют на подмостках Магнитогорского драматического театра имени А. С. Пушкина в спектакле «Под золотым орлом». В 1954–1955 годах получал уроки актёрского мастерства в студии при Челябинском областном театре кукол. С 1956-го – артист Магнитогорского драматического театра.

Учился в Челябинской государственной академии культуры и искусств. В 1973-м дебютировал в кино. Автор двух книг стихов, песен и романсов. Скончался 12 января 2013 года.

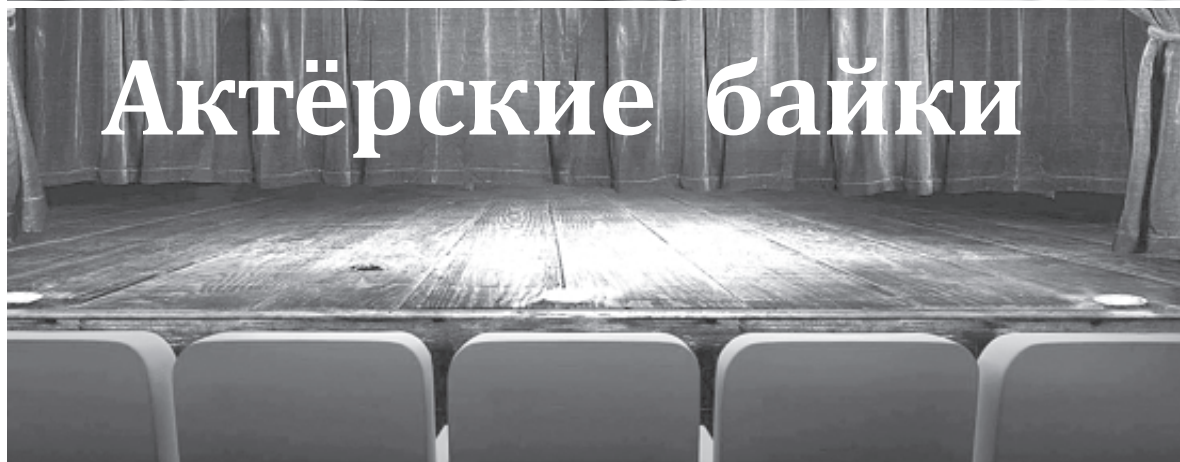

Виталий Титов

Александр Пороховщиков, Виталий Титов, Михаил Кононов на съёмках фильма «Ищи ветра...» (1978 г.)

Актёрские байки

– Ай да молодец! Спасибо, родной!

– Но ведь я же сбивался! – попытался я оправдаться. На что он прокотал своим бархатым басом:

– А ты когда-нибудь пробовал играть околоченными от холода пальцами? То-то и оно! Так что: вот так, таким образом и играй впредь, пока существует спектакль! И крепко, по-отечески расцеловал меня.

С тех пор фанерный рояль в «Беспокойной старости» озвучивал я.

«Я здесь, тётушка Бригитта!»

Вспоминается один каверзный случай, приключившийся со мной в самом начале артистической карьеры. Шёл спектакль «Под золотым орлом», в котором я исполнял роль юного разведчика Тома. Декорации бара. За стойкой – «моя тётка» – артистка Н. В. Гофман. В конце сцены после долгой разлуки я должен вбежать в бар и броситься на грудь тётушке с криком: «Тётушка Бригитта!» Что делал на каждом спектакле. Но в этот раз...

Начался последний акт спектакля, в конце которого мой выход. Акт этот очень длинный, и

томительное ожидание было для меня сплошной мукой. В этот раз я решил убить время, отправившись на экскурсию по театру. Побродив немного, спустился вниз, под сцену. Вот где было интересно! Особенно на складе, в котором хранился реквизит. Среди бутафорских изделий было много подлинных старинных вещей: шпаги, сабли, ружья, пистолеты, даже настоящий пулемёт максим. Я так увлёкся, что забыл про всё на свете. Опомился лишь тогда, когда голову вдруг пронзила мысль: «Идёт спектакль!» Бросив всё, ринулся под сцену. Слышу сквозь щели поворотного сценического круга реплику, после которой я должен стремительно выбежать на сцену. Я остолбенел. Бог мой! Что делать? Обратный путь на сцену, как бы я ни мчался, займёт немало времени, слишком много всяких поворотов и подъёмов. На сцене замешательство... Я весь мокрый от страха, готовый провалиться сквозь пол, но пол был бетонным. Затем после вынужденной паузы Нина Всеволодовна громко произносит:

– Да где же ты, мой несносный мальчишка?!

И тогда я, набрав в легкие огромную порцию воздуха, что есть мочи заорал:

– Я здесь, тётушка Бригитта! Внизу!

От неожиданности старая актриса выронила графинчик с вином и, мгновенно взяв себя в руки, радостно воскликнула:

– О, господи! Том! Проказник ты этакий! Не успел явиться, как забрался в винный погребок!

Колбаса

Актёры – как дети: легкоранимы, капризны, любят пошалить в жизни, а некоторые и на сцене, разыгрывая партнёров во время действия, выбывая их тем из седла. Особенно достаётся от шутников тем, кого легко рассмешить. Вот о таком пересмешнике мой рассказ. В молодёжном розовском спектакле «В поисках радости», в котором я, исполнял роль Николая, однажды случился курьёзный прокол по вине молодого артиста. Помнится, произошло это на гастролях в Миассе.

С этого эпизода начинается спектакль. Раннее утро. После ночного свидания с любимой девушкой мой герой приходит домой, проникнув через окно в комнату, в которой

он с младшим братом Олегом спят на раскладушках. Обычно в таких случаях стараешься всё делать тихо, бесшумно, но как назло нечаянно роняешь стул, от чего вскакивает братишка. Жестом успокаиваю его и спешу на кухню. Голодный как волк, пытаюсь найти что-нибудь съестное. Тщетно. Не осталось даже колбасы, купленной вчера. Щёлкая зубами, возвращаюсь в комнату. Олег уже собрал свою постель и приготовился делать физзарядку. Спрашиваю его, где, мол, колбаса? Артист А. Гладштейн, авантюрист по натуре, на каждом спектакле на мой вопрос о колбасе молча показывал на желудок, что означало: «Извини, брат, съел». На этот раз, стоя спиной к зрителю, он неожиданно приложил руку ниже живота... Я обомлел, на мгновение потеряв дар речи. А через несколько секунд меня охватил приступ смеха, который бумерангом передался провокатору. Пытаясь как-то скрыть от зрителей свой срыв, поворачиваюсь спиной к залу, не зная, как унять смех, перешедший уже в истерику. Искусаны в кровь губы, слёзы застлали глаза. Тут, не дождавшись своей реплики на выход, врывается артист Матюшкин, исполняющий роль деревенского парня, приехавшего к соседям: «Здорово, ребята! – затем, не по тексту: – Вы чё, в натуре?» И глядя на нас, взрывается смехом. Цепная реакция сработала. Стоим три дурака и трясёмся от смеха, не в силах остановиться. С минуту обезумевший помреж, зловеще цыкая из-за кулис, пытался вывести нас из шокового состояния. Бесполезно. Ничего не оставалось, как дать занавес, который закрывался под бурные аплодисменты...

Автора этой хохмы заслуженно наградили строгим выговором, а мы с Матюшкиным отделались лёгким испугом.

Как дядя Федя разыграл Панаева

Как-то Валерий Германович Панаев, мой учитель и наставник, в разговоре с Фёдором Алексеевичем посетовал на то, что его заячья лапка – ею актёры обычно пудрят загримированное лицо – сильно забита гримом и пудрой, и не мешало бы её очистить. Но как? Комик Изюмов, злой насмешник, решив подхохмить над коллегой, предложил ему простейший рецепт: возьми, мол, бензин, хорошо смочи им лапку, а потом подожги. Бензин вместе с гримом выгорит, а мех лапки станет чистым, как первый снег. Давно известно, что артисты, несмотря на свою талантливость – наивный народ, как дети, верят всему. Не был исключением и Панаев. Поверив на слово хохмачу, он выпросил у театральных шофёров флакончик бензина, принёс в гримёрку и сделал всё, как учил Изюмов.

– Вот дурила из Нижнего Тагила. Юмора не понимает. Чуть театр не спалил! – ржал потом дядя Федя.

К счастью, сам Панаев не пострадал, лишь слегка подпалил себе брови, а могло быть намного хуже. Спасла его логическая смекалка: попробовать сначала на гримировальной беличьей кисточке.

Ещё дядя Федя слыл в труппе забиякой, драчуном и скандалистом. Но, несмотря ни на что, он недурно рисовал, был классным артистом, комиком от бога. Как я восхищался его Шадриным из спектакля «Человек с ружьём», как он заставлял умирать всех со смеху в спектаклях «Мораль пани Дульской», «Чужой ребёнок», «Свадьба Кречинского!» А ведь у него почти отсутствовала память, и зритель об этом не догадывался. Выручали его огромные шаргалки, которые он прикреплял с обратной стороны декораций перед каждым спектаклем.